

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб, я червь – я Бог!

Г. Р. Державин

Бороться и искать,
Найти и не сдаваться!

*Строка из стихотворения британского поэта лорда
Альфреда Теннисона «Улисс» – девиз романа
В. Каверина «Два капитана»*

Кто знает, какой зигзаг совершит развитие на нашей планете на непрямом, к сожалению, пути к неизбежно грядущему Светлому Будущему. Всякое бывало в истории, и всякое может ещё быть...

Виктор быстро шёл по белоствольной безмолвной роще, уже почти превратившейся в тенистый парк, с асфальтированными пешеходными дорожками, с детской, всегда оживлённой площадкой с качелями-каруселями и с площадкой для выгула собак. Однако, с другой стороны, запущенной, густо заросшей высоким диким кустарником и такой же травой, живущими как бы особой жизнью. Роща была близка ему светлой, берёзовой, тихой и где-то нежной красой, небольшими одуванчиковыми полянами, близка в качестве места многолетних физкультурных разминок и утренних пробежек, контакта босых ног с росистой или снежной, живой, землёй. Близка своими врачевателями – благодетельными в питании дикорастущими целебными растениями и цветами, более чистым и ароматным воздухом, ибо располагалась существенно вдали от крупных улиц и автомобильных

трасс, и целительным звучанием птичьих песнопений. А также многими исписанными листами черновых записей рассказов, очерков, повестей и стихов – его творческих детей, когда отрадной летней порой он сидел на раскладном походном стуле и писал, а в серое ненастье и белокурой зимой, прогуливаясь, рисовал в душе поэтические образы и обдумывал сюжеты и фабулы будущих прозаических произведений...

Высокое яркое солнце бесстрастно взирало на прогуливающихся или спешащих по делам людей, рвущихся беспечных детей и собак. Всё было как всегда. Но Виктор сейчас не прогуливался и не бежал трусцой, а пробирался сквозь цеплявшиеся за одежду заросли кустарника и травы, мечтая лишь о том, чтобы невидимым и неслышимым побыстрее выбраться из рощи и небольшими узкими, обыкновенно пустующими и молчаливыми, часто пересекающимися друг с другом улочками и переулками выйти за город. Он любил соприкоснуться лёгким и мягким взглядом со встречными, посылая им своё сочувствие и доброту, однако теперь, оглядываясь по сторонам, избегал их, как чумы, и настойчиво пробирался вперёд. Что-то случилось с этим обычным и привычным до повседневности ещё год назад грешным миром. Условия жизни, куда ни посмотри, за что ни возмись, стремительно, лавинообразно ухудшились, усилилось обособление друг от друга даже ближайших соседей, старых друзей и добрых знакомых, коллег по работе и товарищей по интересам, ну, если и не друживших, то просто по-человечески доброжелательных друг к другу.

И тут и там всё пришло в полный упадок – раньше были хоть какие-то, пусть и остатки, прежних благородных жизненных идеалов, манящих надежд на возможность улучшения действительности и разные возможности вообще, – ныне и последние исчезли, невесть куда подевались, – стала царить бездуховность, порочность и вялая пассивность. Одним словом, произошло невероятное изменение всей души привычного бытия, всей, пускай не всегда простой, но по большей части доброжелательной обстановки, дотоле окружавшей его. И одновременно появилось вокруг разлитое море равнодушных к подобным себе и окружающему, вроде бы в мановение ока позабывших доброе и хорошее, что они постигли ранее и к чему их наставляло прежнее, и готовых жить под самым невероятным суровым принуждением, только чтобы не отказываться от привычных и милых удобств. Нужно сказать, и ранее это происходило, да не так обвалью, как в последнее напряжённое и горемычное время. И стало невозможно передвигаться по ставшему бессердечным городу. А ведь ещё совсем недавно он свободно ходил по добродушным улицам или ехал в автобусе по делам, любясь окружающим и взаимодействуя мысленно, или, вернее, сердечно, с людьми, посылая им теплоту и любовь, желая доброго здоровья и получая ответную волну тепла и добра...

Роща кончилась. Виктор спрятался в густом кустарнике на её окраине, выбирая момент, когда рядом никого не будет, дабы перебежать в один из горящихся переулков напротив. Такие предосторожности необходимы, ибо у него не было того самого «зверя по имени “q”-пропуск», представляющего собой не одну специальную бумажную справку (что можно бы и купить), но и вживлённый в тело микрочип, излучающий определённую и конкретную информацию о данном человеке. То для бдительно сосредоточенных считывающих устройств, а бумажка – если таковых, на крайний случай, не окажется. Однако для контроля прохожими делался ни много ни мало знак на лбу в виде особой татуировки. При отсутствии отметины могло последовать фотографирование на смартфон или айфон и сообщение в полицию, а далее – человек заносился в специальную картотеку, от которой уже никуда не деться, и находился в розыске.

Вот и не далее как вчера объявили – с завтрашнего дня будет поголовная и постоянная проверка: на улицах, на рабочих местах, во всех учебных и прочих заведениях и по домам с целью выявления людей без «q»-пропусков. Зомбовизор показал: едет автомобиль, гаишник его останавливает и проверяет пассажиров. Вступление в какие-то разговоры не предполагалось, – у него в ушах торчали красноречиво говорящие наушники. И когда ни у водителя, ни у пассажиров не оказалось соответствующего разрешения и чуткий прибор не показал сигналов «чипа», служивый подозвал верного белого воронка, стоявшего тут же, недалеко от наблюдательного поста. И на глазах у окружавших их людей всех, кто был в машине, увезли, а её самое эвакуировали. И далее ведущий объявил: отказывающихся ввести в организм «чип» и, соответственно, получить заслуженный пропуск станут выселять из становящихся уже ненужными квартир в один из недавно построенных гостеприимных приютов в не столь отдалённой сельской местности. А что такие «приюты» собой представляют, Виктор прекрасно понимал...

Улучив момент, он пробежал небольшой пустырь и углубился в один из переулков. Никого не было видно, но Виктор стремительно зашагал по проезжей части, почти на глаза надвинув кепку.

Вчера, когда он отказался от предложения – читай закамуфлированного приказа – портала услуг зарегистрироваться для получения «q»-пропуска, отключили жизненно необходимые «услуги»: электричество, газ и воду. Не обладая железным здоровьем, без этих «друзей» обитателя городской квартиры недолго и захворать, а медицина ныне не на высоте и ниже возможной планки, то есть взамен здравоохранения – здравозащиты. Как-то с балкона Виктор услышал краткий и весьма показательный, весьма живой диалог, происходивший у стоявшей «на парах» машины скорой помощи: «Так вы же медсестра!» – «А где мы вам врачей и фельдшеров наберёмся, у нас по сто вызовов в самый скромный день?!» А теперь ему и медсестру, даже и немилосердную, не пришлют или пришлют вместе с бравыми полицейскими и с не менее бравым шприцем с «живчиком-чипом» в заранее приготовленном растворе.

Накануне – ещё было посвободнее – он пробежался по аптекам и, где не слышал отказа чуткого продавца из-за отсутствия «q»-пропуска, покупал дешёвые, но сердитые лекарства для первой и безотлагательной необходимости и марганцовку с содой. Кстати, многие из них нашёл в ветеринарной аптеке недалеко от дома – таким образом братья меньшие неожиданно помогли. Пригодились также и домашние запасы специй. К неприхотливому и воздержанному питанию, впрочем, и ко всему в своей богатой на события, нескучной жизни Виктор привык и с этой стороны был спокоен за себя. Да и наличные деньги кое-какие, скромные, имелись на руках.

Только оставаться в квартире и невозможно из-за неприемлемых бытовых условий, и опасно, так как в любой момент могли прийти. Вот и бдительные соседи под тем или иным, по их мнению важным, предлогом стали заглядывать, видимо, срабатывал всеобщий, животрепещущий где-то в глубине человеческой самости страх, и обещанное, ясно рисующееся в воображении вознаграждение было нелишним. Поэтому и дома он надевал всегда находящуюся под рукой кепку, опуская её козырёк до бровей, при стуке в дверь. Когда ещё не отключили электричество, он пытался по интернет-сети найти подобных себе, называемых массовой пропагандой – отщепенцами, изгоями. Но безрезультатно – всеобщее разобщение достигло немыслимых пределов, люди боялись даже близких и родных, не говоря уже о дальних и посторонних. Оправдались самые страшные и фантастические предположения – выходило, что «человек человеку рептилоид». Всё это ощущалось Виктором, будто Бог отступил от человечества, оставив его на волю сущего дьявола.

После отказа принять «чип» его уволили со ставшей родной и увлекательной работы, заблокировали скромный счёт в банке, где были небольшие личные накопления, и, соответственно, банковскую карту. Нет, если бы не пропуска и отличительные знаки, он мог бы жить и в своей квартире обыкновенным местным бомжом, – живут же бомжи в заброшенных домах под снос. То есть находить себе хоть и небогатое, а ежедневное пропитание на мусорных свалках, ставших уже давно пунктом питания для нищих и бедных пенсионеров, и у больших соседних супермаркетов, где частенько выбрасывают просроченные, как говорится в одном известном произведении, «второй свежести», ну, не гнилые и более-менее съедобные продукты. Но нужно платить за квартиру, а не платить – значит потерять её. Потому необходимо уходить...

Виктор шёл по переулку, глаза слипались – минувшую ночь и утро он провёл даже без краткого сна, только сейчас и думать о безмятежном и благодетельном отдыхе было нельзя. Хорошо бы зайти в какой-нибудь супермаркет, подумалось ему, пока в городе, прикупить что-либо из мясных, рыбных и овощных консервов и по хозяйству, там посуду разовую, набрать рекламочек для растопки костра. Да кто пустит, хорошо ещё у дверей не установили бездушных роботов-опознавателей. Однако и сегодня – это не вчера, всё меняется не по дням, а по часам. Попытаться, может, в мусорном баке кое-что найти, решил он, увидев в стороне, на параллельной переулку, по которому шёл, улице сиротливо стоящий среди частных домов супермаркет. Виктор по-прежнему по проезжей части направился к нему. Подойдя к магазину, он остановился метров за пятьдесят от него и стал раздумывать. День был воскресный, тёплый, солнечный, и людей окрест не видно, видимо, отдыхают на природе либо пассивно, либо активно, трудясь на огородах и дачах. Да и магазин, хоть и крупный, а окраинный, почти сельский. «Может, попытать счастья, правда, сомнительного, но вдруг повезёт, вдруг не заметят?» – подумал Виктор и подошёл ко входу. Охранник о чём-то увлечённо разговаривал с кассиршей. Он решился – ну, возьмёт нужное, молоденькая кассирша пробьёт, какой интерес ей выдавать его,

а охранник на выходящего и не отреагирует. И уверенной, размашистой походкой, быстро отвернув лицо вправо, будто на стеллажи смотрит, – прошёл в магазин. А не тут-то было, наверное, что-то не так в нём.

– Эй, приятель! А ну-ка постой! – услышал Виктор вослед.

Пришлось остановиться. К нему подходил, держа в одной руке наготове сканер, а другой поигрывая дубинкой, двухметровый дюжий верзила в чёрном. Приставив прибор, тоже чёрный, к груди Виктора и не получив желаемого сигнала, он потребовал на всякий случай – мало ли, техника забарахлила – пропуск и снять кепку.

– А, да ты злостный отказник! Пошёл вон отсюда! – закричал охранник, не получив документа и не видя знака, и стал, болезненно тыча крепкой дубинкой в бок, толкать Виктора к столь негостеприимной входной двери. – Пошёл вон, тебе говорят! И скажи большое спасибо, что, на твоё счастье, не сообщил куда следует, а то бы тебя быстренько упекли...

Выйдя, поблагодарив Бога и основательно выругав себя за такой необдуманный и, главное, совсем ненужный риск, – берёгся, берёгся и на тебе, чуть как кур во щи не попал, – он свернул за угол, и ещё раз, и наткнулся на массивный открытый мусорный контейнер. В нём рылась неприглядного, даже страшного вида женщина, с космами грязных тёмных волос, с чёрными, видимо, от загара и грязи одновременно руками и лицом, от которой и на расстоянии сильно пахло явно давно немытым телом. Раньше Виктор встречал её, более приглядную, в своём жилом районе, куда она ежевечерне, не обращая внимания на прохожих, приводила целый выводок коз на бесплатную и обильную кормёжку из мусорных ящиков, также собирая пропитание для животных в широкую, нещадно громыхавшую, разбитую грузовую тележку. Козы с тихим, довольным меканьем, не дожидаясь кормления, объедали и близрастущие кусты. Потом, когда невесть почему запретили косить траву в берёзовой роще, чем занимался её старик-отец, – они, видимо, давно и основательно кормились козьем молоком и с продажи его и молочных продуктов, – коз не стало. Вскоре и отца, видимо, не стало. И она сама уже жила находимым в отбросах и подаваемым ей по воскресеньям и праздникам у местной церкви. Её можно было видеть в продуктовом магазине, где она сдавала в кассу тщательно пересчитанные и разложенные в кульки по достоинству монеты в обмен на бумажные купюры.

Виктор подошёл и, сняв вместительный туристический рюкзак, тоже начал рыться в контейнере, большом и глубоком, а не обычном мусорном бачке, какие стоят у подъездов домов, и снизу доставать не удавалось, не хватало длины рук. Тогда он, оглядевшись по сторонам, схватил валяющуюся рядом узкую доску и, запрыгнув в контейнер, стал, как лопатой, выгребать нижнее содержимое наверх. Женщина, вначале неодобрительно отнёсшаяся к его появлению, что-то сочувственно промолвила и принялась с рвением наполнять свою тележку. Силы в Викторе хоть отбавляй, но всё же работа была тяжёлой, и он, дождавшись наполнения тележки, положив в рюкзак несколько отобранных банок просроченных мясных и рыбных консервов и зелёного горошка, выпрыгнул из контейнера. И сделал это вовремя, ибо увидел направлявшегося к нему с противоположного угла здания другого охранника, видимо, делающего очередной обход.

«Ну, всё, никаких приключений, подобных недавним, больше не надо, и продуктов достаточно – а консервы можно и на костре стерилизовать», – решил он и заторопился прочь. Ну кто бы мог подумать, ещё совсем недавно Виктору и в страшном и дурном сне не могло привидеться, что он станет вот так рыться в отбросах, прятаться, безудержно бежать неизвестно куда... Вот поживает человек, размышляет, сомневается, опять раздумывает и опять сомневается, затем наконец решается на что-то, как-то поступает, оценивает личные дела, делает выводы, изменяется к лучшему и снова размышляет, поступает, оценивает... А тут в человека вживляют «чип», и через него уже *кто-то* внушает ему *свои* мысли, *свои* решения, *свои* действия, и «*ты спокоен, спокоен, спокоен...*». Он понимал, в мире хватает законченных психопатов, даже в раю способных натворить чёрт знает чего, однако гораздо более есть разумных, таких, кому не нужно, чтобы ими управляли, когда это будет не собственная, пусть и грешная, плоть, не собственная, может быть и пустая, голова, не собственные, порой и ошибочные, поступки и опыт, не личная дееспособность как результат наследственности и влияния окружающей среды. А болезни – застарелые, продолжительные и тяжёлые, и совершенно молодые – скоротечные и лёгкие, но в любом случае – живая обратная связь человека с каждодневной жизнью, с окружающей средой, с людьми, которые, в общем-то, активно и целенаправленно участвуют в формировании человека? Теперь, при управлении через «чип» – или заболел непонятно чем или от чего, или вылечат

на расстоянии, если человек нужен для чего-либо. Резонный вопрос – для чего? Человек может сам быть в силах изменить своё непосредственное окружение и сомнительное поведение, тем или иным способом вылечиться от болезни-мучителя, измениться к лучшему. «Чипированный» же, он терял свободную волю, а значит, переставал быть человеком...

Виктор быстро шёл по переулку, до него долетали звуки из открытых настежь окон – обитатели домов, как повелось в долгожданный выходной день, смотрели зомбовизор, от чего он уже давно отвык. Ныне это не вызывало в нём невольного глухого раздражения – чем сейчас меньше прохожих на улице, тем ему лучше. И тут он неожиданно оступился – левая нога попала в ямку на абсолютно ровном асфальте дороги, – причём так, что подвернулась. Жгучая боль пронзила ступню, и она стала жить будто особо: в ней закололи иголки, вслед за тем Виктор ощутил булавочное покалывание и после него жжение. Он пощупал ступню рукой – она начала чуть заметно припухать. «Ну вот, растянул связки! Ещё не хватало... – подумалось. – Нужно выбраться из города. Там, дальше, в лесу перевязать, эластичный бинт есть, запася». И он, заметно прихрамывая, но решительно продолжил двигаться вперёд, зорко глядя по сторонам и с заметной опаской на лежащую перед ним коварную мостовую. Полуденное солнце по-прежнему ярко светило в безоблачном, прозрачно-голубом небе, стоял жаркий и душный день. Наконец переулок вывел его на голый песчаный пустырь, за которым уже рос долгожданный густой смешанный лес. Однако пустырь представлял собой определённую непредвиденную трудность – на открытом пустом месте естественно заметить человека, направляющегося в лес с большим нагруженным рюкзаком. Любо́й человек мог подумать: с грузом – грибами и прочими дарами – обычно, по крайней мере в большинстве случаев, идут, наоборот, из леса. Это может вызвать обоснованное подозрение. И кто-то, особо «ответственный», тем более ежечасно призываемый по зомбовизору, может позвонить, и через несколько минут здесь появится гравитолётный патруль. Потому, несмотря на боль в ноге, – а она сильно болела и наступать на неё было тяжело, – Виктор решил сделать изрядный крюк, пройти вправо до ближнего края пустыря, переходящего там в лес, и по дуге вернуться к тропе.

В лицо дул тихий и спокойный тёплый ветерок, нёсший откуда-то терпкий, ароматный запах сухого сена. И ему вспомнились давние летние дни, когда он, юный парнишка, месяц жил в деревне у дальних родственников. Как давно, казалось, тысячу лет тому назад сие происходило, и такое стойкое ощущение, будто в другой, параллельной реальности. Пёстрое стадо ленивых коров, пасущихся вдали, золотом колосающиеся, безмолвно-задумчивые, бескрайние колхозные поля, а вблизи на широкой зелёной лужайке – откормленные важные гуси и пёстрые бойкие куры, и редко какая деловитая легковая или грузовая машина проедет, сопровождаемая обязательным неистовым, звонким лаем деревенских собак. Глубокое голубое небо, птицы-певницы заливаются, первозданная свежесть кругом, и дышится удивительно свободно и легко, полной грудью. И славно так на душе, и сердце становится таким любвеобильным, и не хочется никуда торопиться, жил бы и жил в той деревенской тиши без будничной, хлопотливой суеты. А безмятежный и благодатный сон на старом сеновале в дощатом одиноко стоящем сарае, когда засыпаешь под тихий и ласковый шелест листьев в саду, глядя в открытое слуховое окошко на яркие и молчаливые звёзды в чистом, чернильном ночном небе. А ранним и светлым утром спуститься по приставной, скользкой от росы лестнице вниз, окунуться в занимающийся розовый рассвет, напиться его живительной, пьянящей бодростью и почувствовать всю чарующую, несказанную прелесть будущей, раскрывающей свои объятия молодой жизни. А в сенях отведать свежих звенящих крепостью яблок, сочных, изливающих сладость груш и синих кисло-сладких слив, сорванных накануне заботливой хозяйкой в саду. Всё, что ему надо сейчас, – уйти в тот благодатный, патриархальный мир, со всеми недавними волнующими событиями, смятенными мыслями и чувствами, и там всё в равновесии и спокойствии обдумать.

Однако теперь было не до того. Нужно углубиться в ближний лес, перевязать уже достаточно распухшую ступню, передохнуть, подкрепиться и двинуться дальше. Всё-таки близко от домов, даже и окраинных, даже и в лесу, небезопасно находиться. Расслабиться сейчас, значит рисковать индивидуальным сознанием, пусть и не совсем идеальной, но самостоятельной и мыслящей личностью и, в целом, существованием. Потому Виктор доковылял до леса и не по узкой извилистой тропинке, – мало ли кто может встретиться, – благо это не сплошной бурелом, не глухие заросли цепкого кустарника и высокой и спутанной травы, а чистый и светлый лес, пошёл дальше и дальше по нему. Через пару километров он решил расположиться на отдых. Отыскав подходящее тенистое

место, эластичным бинтом перевязал ступню и, собрав сухой валежник, на прогалинке, где почти не было растительности, с помощью свёрнутого куска припасённой газеты – приходится беречь бумагу для растопки – и всякой сухой мелочи, валявшейся рядом, развёл костёр. Соорудив над ним горизонтальную перекладину, он повесил походный котелок, из плоской фляги налил воду и, подождав, пока она закипит, насыпал туда несколько небольших горстей гречневых хлопьев и приготовленную смесь сухой петрушки с укропом и морской капустой. Горячая похлёбка с ржаными сухарями и несколько грецких орехов и составили лёгкий полдник Виктора – прошло только два часа как он из дому. Покончив с нехитрой едой, он тщательно загасил тлеющие багровые угли, закидал потухшее костровище валявшимся рядом валежником – на всякий случай, чтобы не навести на верный живой след, – теперь всего можно ожидать, вдруг объявят облаву. Не на него, конечно, а вообще. И, найдя подходящий укромный уголок с густой травой в кустах, прилёг отдохнуть. И дневной сон сразу же объял его...

...Он вроде бы сидит в своей квартире, всё видится чуть зыбким и немного светящимся. Кругом никого. Виктор словно раздвоился – он и сам этот человек, и наблюдает его со стороны. В голове возникает вкрадчивый тихий голос, и он внимает ему. Закономерности в слышимых бесцветных, но вроде штампованных фразах нет, просто какой-то набор слов, однако само говорение, сам голос зачаровывают. Виктор краем отвлечённого сознания воображает, что через «чип» осуществляется направленное действие на подсознание, на подкорку – нервные центры под корой головного мозга; что за вроде бы нелепым многословием идут определённые живые образы, внушающие некие каноны инстинктивных действий, произвольных поступков, постоянных привычек в жизни, не свойственных ему ранее. И вот уже ничего для него нет вокруг, нет берущих за живое размышлений о предстоящем, о возвышенном, нередко посещавших обычно. Звучит только располагающий к себе бесстрастный, невыразительный голос. Затем вдруг он пропал, исчез, и Виктор совершенно забыл о слышанном, будто кто-то одним лёгким нажатием невидимой клавиши вычистил то из оперативной памяти. На краткий миг он видит вновь человека извне, сидящим на стуле и заснувшим. Но вот Виктор и тот вновь одно, и он как бы очнулся, и сразу же в туманенную голову пришла мысль: «Я два дня назад подумал: у меня маленькая, буквально скудная зарплата, хоть идти воровать. И представил образно, где и что я делаю. Я неправ, очень неправ, я виноват, ибо, несмотря на лишь помысленное, по движущей силе крамольной мысли и рождённого ею ответного, не менее крамольного желания вероятность фактического, непосредственного осуществления такого действия крайне велика, а это равнозначно его непременно практическому исполнению. Следовательно, я – настоящий бандит, от которого могут стать невинными жертвами и непосредственные соседи, и незнакомые мне посторонние люди, истинный преступник и непререкаемого Закона Божьего. И ради несомненной общественной пользы и нравственности я должен, не откладывая, заявить в полицию о краже того-то и того-то, там-то и там-то, тогда-то и тогда-то. А для них уже само чисто-сердечное и покаянное признание человека и есть достаточное подтверждение прямой виновности, и ничто другое, включая свидетелей происшествия со стороны, не требуется, а значит, не нужны и какие-то уголовные расследования, дело можно оформить, можно предъявить официальное обвинение и передать всё далее в суд. И они будут правы в своём решении. Моя главная и неременная социальная обязанность предать себя предстоящему справедливому и неотвратимому наказанию!»

...Виктор проснулся от громкого кукования – в густой листве рядом растущего дерева громко проорочила кукушка. Не склонный к суевериям, он считать её «ку-ку» не стал, а быстро поднялся, взял заранее собранный рюкзак и, сверившись по маленькому компасу на часовом циферблате – стараясь придерживаться примерно одного, заранее заданного им себе направления, чтобы не ходить кругами, – тронулся в предполагаемый быть долгим путь. Через некоторое время Виктор почувствовал, что идёт по пологому склону вниз, и увидел сквозь нечастые заросли светящуюся в ослепительных лучах солнца воду. Это, видимо, та самая река, которую он видел ранее на электронной интернетовской карте, когда искал себе подобных для тогда ещё возможного ухода из дома. По берегу реки предполагалось пройти добрых километров десять. Виктор спустился к воде и сел возле неё, окунув руки. Вода была тёплой, и он, раздевшись, вошёл в неспешную реку, умылся и всем обнажённым телом с головой отдался оживляющему, возбуждающему действию воды. Поплавав вволю, он, блаженствуя и дыша полной грудью, вышел на берег. Желтоватые солнечные отблески резвились в пышной дре-

весной листве, распевали лесные птицы и после приятного купания значительно усилились душистые ароматы лесных цветов и травы. Умиротворение и безмятежная радость разлились по всему телу, до того ноющая боль в ноге сейчас почти не чувствовалась, и Виктор пошёл по берегу.

Он уходил всё далее и далее от города, недавно такого надёжного и такого близкого, а теперь грозящего ему лишением себя самого, неминуемой гибелью самобытной личности. Уходил от города, где на каждом шагу необходимо предьявлять «аусвайс», города, где, в случае категорического отказа его иметь, отключали воду, электричество, канализацию, связь и интернет, то есть всецело жизнеобеспечение и контакт с внешним миром. От города, где царила социальная сегрегация, где поделили всех на два сорта – достойных и недостойных. От города, бросающего не подчинившихся в спецлагеря – места без должного достаточного питания, адекватного лечения и материального обеспечения, без связи, где люди, голодая, болея и нищенствуя, до времени умирают порой в жестоких мучениях. И раньше всех невинные дети и старики. И это делалось везде, по всей стране. Кто-то не мог вынести, не желая себе такой незавидной судьбы, – правда, их были ничтожные, бессильные горстки, – они сходились и бросались на кичливые офисные здания власти. Однако, кроме ответного жестокого полицейского насилия по отношению к ним, сие ни к чему не приводило.

Как-то Виктор пришёл к православным в храм, где прежде бывал и беседовал на значимые для него и волнующие духовные темы. Он попал на утреннее праздничное богослужение. И когда после окончания, будучи приглашённым на воследовавшую совместную трапезу, открыто и по-простому завёл речь о спасении – не посмертном, а сейчасном, в данной жизненной ситуации с «q»-кодами и прочим, – то в ответ не услышал ничего, а увидел лишь круглые, одновременно непонимающие и виноватые глаза почтенных священнослужителей и затаённый в них глубокий трепещущий страх. А узнав об отсутствии у него «q»-пропуска (тогда ещё не были введены опознавательные знаки на лице), чуть не сдали в полицию. И только по милости протоиерея не совершили этого. В итоге они сделали вид, будто его здесь нет, что не видят и не слышат его, то есть, фактически, выгнали прочь. И понял он – Бог молча смотрит на всё и ничего не предпринимает...

Отвлёкшись от воспоминаний, Виктор взглянул на неспешно текущую справа от него реку и засмотрелся на сияющую, чистую и медленно струящуюся воду с затейливыми отражениями листвы на ней и яркими сверканиями игривых солнечных лучей. «Не в преодолении ли серьёзных трудностей единственный и глубокий смысл земной человеческой жизни? – подумал он. – Нужно жить, как катит свои спокойные, безмятежные воды река. Всевозможные озадачивающие трудности неизбежны и постоянны, а преходящие радости житейские и наслаждения земные – редкие гости. Наверное, сильное физическое, душевное и нравственное страдание – неизбежный удел крепких и стойких духом людей. Потому лучше невозмутимо переносить всё, выпадающее на твою нелёгкую, только, видимо, законную долю во всех окружающих тебя и рождающих затруднения обстоятельствах, чем испытывать банальный страх, злиться и нехорошо думать». А именно страх держал Виктора в цепких, когтистых лапах последние дни, обуял его и обращал смятенное сознание к невесело скачущим мыслям о преждевременной встрече с безносой и с косою в руке старухой-смертью. Но утрашаться её неразумно, решил он, ведь она вместе с рождением находится в надёжных руках мудрого Провидения и от человека по большей части не зависит. Живущие в страхе перед смертью влчат неполноценное, никчёмное существование беспомощными людьми.

И всё же тревожные мысли просачивались в сознание Виктора. Да, он идёт, чтобы оказаться как можно дальше от ставшего таким бездушным города. Да, он наслаждается со всех сторон окружающими красотами живописной матушки-природы, бездонным небом, каждой клеточкой тела ощущает благодарную радость непосредственного общения с землёй, по которой идёт. Однако нужно где-то остановиться, не вечно же идти. А где? И продукты, взятые им с собой, когда-то кончатся. Виктор оглянулся вокруг на тихий лес и понял – страхи опять напрасны и, скорее, нервические, – плодородная земля не даст пропасть с голода. Лето подарит ему нежную сныть, листья крапивы, перистые листья одуванчика и овальные подорожника, а также другие съедобные травы (он их знал и употреблял ранее), разные съедобные ягоды и грибы, лесные орехи и жёлуди – все плоды обильного леса. И ещё – в страдающем сердце жила затаённая надежда встретить себе подобных одиноких беглецов от прелестей нынешней «цивилизации». И Виктор пошёл быстрее, пытаясь быстрой ходьбой освободиться от всяких явных и неявных опасений. Нога побаливала, перед сном он её разбинтовал, дал отдохнуть, а утром перевязал заново, и теперь чувствовал себя полегче.

Неширокая и извилистая тропа раздвоилась, и Виктор неожиданно, но почему-то уверенно свернул чуть влево и не удивился, так как понял – не сам сейчас решил, куда ему повернуть, а повела его какая-то неведомая, таинственная сила. Сквозь раскидистые ветви лился неяркий и тёплый золотистый свет солнца. Он подумал: «Красиво кругом, сколько всяких изменений на грешной земле, а чарующая красота природы в любом месте и в любое время та же!» Это свидетельствовало: все изменения – наносное, ненужное, в самом корне чуждое Природе. Непоколебимое спокойствие и безмятежность окружали его, глубоко проникая в душу, густо зеленела сочная растительность и за деревьями мерцала неторопливая река. Окружающее было в тихом и лёгком томлении, и лишь над гладкой водой, будто бы подчиняясь её неспешному течению, подрагивали чувствительные ивовые листья и иногда вспархивали редкие птицы. Только, несмотря на умиротворение, появилось неясное ощущение того, что всё и внутри Виктора, и вовне ждало чего-то, должного неминуемо проявиться.

Надежда прийти к чему-то новому, конкретному и благотворному усилилась в нём. Ведь в недавнем прошлом, несмотря на неустанные, но, оказалось, напрасные ожидания, нормальная, разумная жизнь не наладилась, а, напротив, закончилась. Да, нужно идти вперёд, но не оглядываться на прожитое тоже невозможно, ибо оно остаётся даже с сознательным человеком, его нельзя оставить где-то, защищаясь, оградиться от него и напрочь забыть. Тем более происходившее и происходящее теперь. А сейчас там, откуда Виктор пришёл, «они» вламывались к нежелающим «чипироваться», хватили их и в наручниках увозили в белых или раскрашенных под цвет неба красавцах-автозаках. Каждый до последней спокойной минуты надеялся – именно с ним ничего, творящегося с другими, в других, ближних и дальних, домах и вообще во всём обезумевшем городе, в его родном доме не произойдёт, пройдёт мимо него, ничего плохого не случится. Однако когда плохое случалось, что-либо делать было уже поздно. Так существовала бóльшая, подавляющая часть людей, пассивно, в беспокойной атмосфере скачущих мыслей, обрывочных приятных или печальных воспоминаний о прошлом, молчаливых раздумий о сокровенных чувствах и переживаниях, рефлексий, причудливых фантазий и грёз. Виктор не стал дожидаться наступления «поздно» и одобрял своё решение.

Он долго размышлял, зачем «они» всё это творили, каковы их сиюминутные и долговременные цели. И пришёл к единственному, однозначному заключению. Оно возникло в сознании цельной и законченной картиной, которая затем разложилась на составляющие части. Получалось, все в подлунном мире, кроме, конечно, «избранных», должны стать и быть подобными вплоть до одинаковости, лишёнными даже относительной индивидуальной свободы, получаемой от рождения; стать похожими как две капли воды, и дабы не наблюдалось и скрытого, затаённого недовольства и внутреннего возмущения, а было сплошное, поголовное безмятежное счастье, с одним только неодолимым влечением – к всевозможным забавам и чувственным наслаждениям. Необходимо устранить сплошь всё, без исключения, и всех до одного, что и кто рождает смутную или открытую тревогу и безысходную, беспросветную тоску с унынием. Маленьких, чуть ли не после появления на свет, детей нужно сразу забирать, в том числе и у обеспеченных родителей, в специальные воспитательно-образовательные дома, где сразу «чипировать» и лепить из них определённым кардинальным образом таких особей, чтобы они в дальнейшем не задумывались, чтобы у них вообще не было никакого добровольного самостоятельного выбора, никаких возможных и невозможных вариантов решения при возникновении, в тех или иных конкретных случаях, ненужных, лишних вопросов. И пусть они воображают угодное им, вплоть до общения чуть ли не с самим всемогущим Богом, вплоть до своей полной основательности, личных незыблемых принципов и личных осознанных решений, будто именно *то*, позволившее им всё правильно сделать и в прошлой жизни, и сейчас, не сворачивая в ту или другую сторону, верно. «Они» делали, дабы, благодаря «их» управляющим программам, люди перестали размышлять. И по сути гипнотические внушения через «чип» подкреплялись бы различными распространёнными видами возбуждающих средств и музыкальными творениями с определённой ритмикой, а также гаджетами, где вместо содержательных книг – только клипы и комиксы...

Вот опять тяжёлые, скорбные думы заполнили сознание Виктора, и никуда от них не деться. Конечно, глядеть необходимо перед собой, в будущее, в завтра, и двигаться вперёд, однако нельзя идти правильно, – он ещё раз утвердился, – напрочь отрешившись от находящегося позади тебя, от чего отправился и идёшь. Это даёт возможность добиться непрерывности сознания и взвешенной линии поведения, достаточной самостоятельности, внутренней независимости от окружающих внушений,

независимости от повторения давних досадных ошибок и от любых нынешних соблазнов. Когда он принял решение уйти, то занял своё, подобающее ему место в последовательной цепи текущих жизненных событий, на счёт чего он не испытывал никаких сомнений. Твёрдое убеждение не оставляло Виктора, что пройдут тёмные годы и зомби, каких сейчас вокруг да около изо всех делают, рано или поздно начнут перемогать «это» бессознательное невменяемое состояние. Вначале отдельные люди, а постепенно и все, глядя на них. Ведь перемогают же работающие над собой залетающие в их усталую голову невесть откуда (но он-то знает откуда, много прочёл по теме) тёмные мысли. Таким образом можно перемочь, подобно телесной болезни, и «чиповские» внушения, ибо человеку по предназначению должно быть самостоящим. И вся «болезнь» исчезнет, будто её и не было.

...Трудный день медленно угасал. Виктор видел, как солнце, несколько часов тому назад ярое и неумолимое, теперь вечернее, неяркое и утомлённое, склонялось над рекой к закату в чистом, без единого облачка небе. Прощальные, ласковые лучи, мягко окрашивая, золотили лесную траву и стволы деревьев. В спокойной, немного грустной вечерней тиши только бесчисленные птицы пели ежесуточный вдохновенный, благодарственный гимн уходящему на ночь светилу. Но вот лучи заката стали всё более тонуть, оставляя после себя в окружающем лесу лёгкую дымку сумрака. И наконец, закат вспыхнул последним робким лучом и погас, и небо над тем местом окрасилось пепельным. А по лесу начала стелиться сумеречная темнота. Виктор вздохнул, расставаясь с напряжённым, насыщенным и важным днём. Что-то ждёт его впереди?

Он решил поужинать, развёл костёр и принялся готовить нехитрую еду. Костёр, тихонько трепеща, потрескивал, и синеватый дым поднимался прямо и ровно в недвижимом вечернем воздухе. Птичье пение после захода солнца смолкло, и лес начинал постепенно замирать, набухать темнотой и засыпать. Окружающее стало сонным, так лечащим взволнованную душу Виктора, и покой сошёл на него, будто в раннем беспечном детстве на коленях у доброй и мудрой бабушки. Безмятежная тишь, зыбкие сумерки, слабое потрескивание костра навевали сон. Он, поев, решил поспать немного, дабы не провести ночь, столь полезную своей темнотой, во сне и чтобы отойти ещё дальше от города. Под густой и развесистой елью он постелил плёнку, нарвал охапки влажной от росы травы, положил на неё под голову рюкзак и, накрывшись курткой, заснул.

...Виктор шёл по освещённому редкими и тусклыми электрическими лампочками подземному туннелю. Вдоль обшарпанных, замызганных стен проходили такого же вида, должно быть, канализационные трубы, потому как под ногами хлопала зеленоватая отвратительная жижа и невыносимо тошнотворное зловоние наполняло воздух. И вдруг по этой жиже серой сплошной массой стремительно, с совершенно бешеной скоростью помчались крысы. Ему едва удалось вскочить на стоящий рядом большой ящик. Крысы пронеслись, можно было идти дальше, но тут он увидел – его медленно и неотвратно окружают человекоподобные двуногие существа с тёмными, донельзя измождёнными, морщинистыми, отёчными и в синяках лицами. Ввалившиеся и казавшиеся усталыми глаза их в темноте жутко горели. К нему тянулись иссохшие грязные и жадные руки с длинными костлявыми пальцами с загнутыми ногтями. Они уже хватили его за одежду, всё сильнее сжимая плотное кольцо, прорваться через которое ни назад, ни вперёд, ни в какую сторону невозможно. И сверху не за что ухватиться, чтобы подтянуться и выскочить из коварной западни, и под ногами никакого спасительного люка нет. А существа туже и туже сжимали кольцо, и каждый старался притянуть его к себе своими ледяными и склизкими руками. Сильная болезненная судорога сотрясла Виктора... и он проснулся.

...Часы показывали почти полночь, в бесстрастном тёмно-синем ночном небе кое-где сквозь ветви ярко сверкали далёкие звёзды и светила растущая оранжевая луна. Вокруг было тихо и спокойно, порождённая сном дрожь улеглась. Он вытер зеленью походный котелок и ложку, закопал несгоревший мусор, тщательно проверил костровище и, собрав вещи, тронулся в путь-дорогу. Через некоторое время Виктор вышел на поросшую низкорослыми кустами и всевозможной растительностью – видно, никто за ней уже давно не ухаживал – широкую просеку, благодаря луне достаточно освещённую. А дальше за просекой виднелась глухая еловая чаща, одновременно и пугавшая, и тянувшая к себе. Он вспомнил последний сон – большинство снов и приятных, и жутких, как и у всякого человека, не запоминались ему, но этот врезался в память. И если верить, будто в субъективной реальности

тебя ждёт противоположное снящемуся, то Виктора – вопреки хищному миру, – а он сейчас стал таковым, – значимым символом которого была мчащаяся неуправляемая лавина туннельных крыс, – ждала встреча с группой доброжелательных людей. «Да полно! – подумалось. – Сograждане убийственным равнодушием и покорным молчанием позволили укорениться жестокому и подлому злу, невиданному ранее и угрожавшему природной сути человека, угрожавшему жизни всего нынешнего человечества. Откуда тут в лесу группа, да ещё доброжелательная?.. Всё же по ночам нужно спать, это от недосыпания...» И теперь одно настойчивое и страстное желание возникло у него – бежать и бежать, дальше и дальше от сущего нескончаемого адского кошмара, найти себе безлюдное, уединённое место на природе и жить в живом единении с ней, лишь изредка общаясь с оставшимися тамошними сельскими жителями, чтобы добыть необходимые продукты питания, и узнавая новости по портативному приёмнику.

Тёмная еловая чаща обступила Виктора. Он шёл, изредка сверяясь с компасом, на восток. Однако проявились древние глубинные, затаённые страхи из подсознания одинокого человека в лесу, и ему начало мерещиться то что-то в корявом старом пне, раскинувшем в стороны свои узловатые сучья, то обычные светлячки стали казаться чьими-то пронизывающими огненными глазами в тёмных кустах. Да и саму ночь, первую вне дома, Виктор ощущал неким таинственным существом, отовсюду подозрительно глядящим на него, следящим за каждым его, даже невольным, движением. Он изрядным усилием воли решительно приказал себе: «Не смей!» – и заставил сознание отвлечься от всех тёмных, ночных страхов. Они отступили, однако им пришла замена – неотступная тревожная мысль: вот уйдёт он, может быть, и далеко, спасётся в какой-то лесной глуши и станет жить, не будет ли жизнь неполноценной – существованием растения. Как быть дальше, чтобы остаться человеком, а не стать двуногим приматом? И где найти того, кто мог бы помочь и научить?

Виктор всё время думал о том. Но вот он выбрался из ещё сонной хвойной чащи и увидел – на востоке, над обширным пустынным лугом, уже просыпающееся небо побледнело, более и более светлел видимый горизонт. И неяркие, утренние звёзды одна за другой гасли, а горизонт, вначале засеребрившийся, постепенно окрасился в шафранно-жёлтый цвет. Виктор вернулся в лес и нашёл уголок посуше, развёл небольшой ленивый костёр и устроился спать возле него, надев же длинный клеёнчатый дождевик от выпавшей обильной росы. Долгий ночной переход утомил его, и Виктор заснул, едва склонив голову на рюкзак.

...И снилось ему, что он снова в мрачном и смрадном подземелье, и за ним уже другие существа гонятся, дабы убить. Виктор прячется по всевозможным потаённым углам, какие может найти вокруг, и видит перекошенные хищные лица разъярённых преследователей, рыщущих в поисках его. Чувствуя их рядом, он всюду сдерживает лихорадочное дыхание, чтобы те, услышав, не обнаружили. Вдруг Виктор уловил тихий, едва слышимый, однако внятный шёпот: «Пойдём, я помогу тебе». Он вздрогнул и, осмотревшись, увидел притаившегося человека, лица которого нельзя было разглядеть. Он почему-то доверился тому, они прошли сквозь стену – воспринялось им обычным делом, – оставив гонящихся за ней, и пошли по какому-то слабо освещённому узкому коридору, пока не добрались до бетонной лестницы. Мужчина – он рассмотрел его – показал рукой, мол, нужно идти вверх. Виктор стал подниматься, держась за осклизлые перила. Остановившись на полпути, он посмотрел вниз, но никого там не увидел. А когда, откинув люк, выбрался на улицу, яркая вспышка хлестнула по отвыкшим от света глазам и одновременно раздался оглушительный грохот...

...Это была мощная молния, ударившая в одинокое, теперь горящее дерево, росшее на лугу. Виктор проснулся от её ослепительного света и оглушительного грома. В низком грозовом небе висели тяжёлые, зловещие, почти чёрные, по краям лохматые тучи, молнии посверкивали и гром погромывал уже вдали. Пролился обильный ливень, горевшее дерево погасло. Через некоторое время ливень прекратился, перейдя в лёгкое морошение, однако ещё несколько раз он принимался хлестать снова – и в итоге затих. Виктор был рад предусмотрительно надетому перед сном спасительному дождевику. В освежающем послегрозном воздухе стоял полный штиль, не чувствовалось даже слабого дуновения. Крупные, тяжёлые капли падали с тоскливо поникших мокрых веток, понуро лежала трава. Гроза ушла на запад, туда, откуда он пришёл, и оттуда отдалённо напоминала о себе. Виктор с помощью спирта разжёл костёр, только согреться никак не мог. Глядя на сизоватый пепел, он раз-

мышлял об ускользающей сути виденного в недавнем тяжёлом сне и о ждущем его впереди. Вместе с тем в сердце жила щемлящая жалость к людям в покинутом им городе.

Загасив огонь и закинув на спину рюкзак, Виктор прошёл луг, лесополосу и за просёлочной дорогой увидел большое открытое пространство, в котором лишь по едва видневшимся межам и пронзительно синим василькам, росшим по ним и по краям этого места, угадывалось бывшее колхозное поле. Но пахло оно уже по-лесному, ибо заросло молодым осинником и в самой серёдке – чахлой сосновой порослью. Он подумал, видимо, где-то, не очень далеко должно быть селение. Виктор смотрел вокруг и не знал куда идти – с одной стороны, хотелось встретиться с сельчанами, а с другой – кто знает, что его там ждёт... И вдруг пришло подспудное ощущение – за ним наблюдают. Недоброе ощущение погнало вперёд, вернее, по полю наугад. Неясное, пугающее чувствовалось всё острее. В зарослях при желании мог укрыться человек. «Нервы, – подумал он. – И не мудрено – сколько переживаний за такой короткий срок!» Вслед снова пришла мысль, будто не он выбирает направление, а кто-то или что-то ведёт его.

Виктор почувствовал усталость, и повреждённая нога ещё побаливала. Только как он мог устать, если после продолжительного отдыха продвинулся от силы километра на два? Потому не физическая это усталость, а психологическая, эмоциональная – видимо, от настороженного ожидания чего-то, от подспудного ощущения постороннего присутствия и от его действия. Виктор остановился, осмотрелся – тихо и спокойно, никого... Однако его не покидало смутное чувство – он пришёл в то самое, надлежащее место, куда и должен был прийти. И Виктор открыл свою душу, разум и сердце для всего: для бывшего, заброшенного поля, для низко висящего, совсем недавно безрадостного, пасмурного, но уже начавшего немного проясняться неба, для всех окружающих живых, мелодичных звуков и для предстоящего, кто знает какой долготы, пути. И это становилось им, неотъемлемой частью внутреннего существа. Всё более росло глубокое убеждение – нечто должно произойти, что-то исполнится, наверное, не просты такие ощущения. И словно в ответ тёмные тучи раздвинулись, и выглянуло долгожданное солнце, и под его лучами стала таять унылая серость, а на ветвях и траве мелкими задорными искорками заблестели капли дождевой влаги. Приятно запахло мокрой землёй, и запели воспрянувшие птицы.

Виктор прошёл оставшуюся часть поля, поднялся на невысокий травянистый пригорок и увидел костёр и человека возле него. Тот, завидя Виктора, повернулся к нему и встал.

«Что за человек? Не сдаст ли?» – были первые беспокойные мысли, пришедшие в голову при виде мужчины, немного выше среднего роста и с совершенно седой окладистой бородой, со сдвинутой на затылок тонкой серой вязаной шапкой, одетого в широкую и длинную бежевого цвета куртку с капюшоном. Мужчина сделал шаг навстречу и улыбнулся.

– Спасаетесь?

– Да. А как вы догадались?

– По глазам, – так же улыбаясь, ответил тот.

Они познакомились, и Владимир, пригласив Виктора сесть у костра, налил ему в чистую, вынутую из рюкзака металлическую кружку чай из котелка и сказал, мол, получил информацию об организованной группе людей, скрывающихся в этой глухой лесистой местности, и идёт помочь им и сообщить нечто важное. Спросил, не хочет ли Виктор присоединиться к нему. Он говорил кратко, веско, делая небольшие паузы между лаконичными фразами, слова его были обстоятельны и звучали рассудительно и проникновенно, шли будто из глубины души и сопровождались прямым доброжелательным и вместе с тем сдержанным взглядом синих глаз. Виктор спросил, что за информация, от кого и каким образом тот получил её, и что хочет сообщить членам группы. Владимир, чуть помолчав и подбросив в костёр немного веток, ответил: «Будете совершенствоваться и вы станете получать. А сообщить хочу, как нам дальше жить. – И спросил его: – Пойдёте со мной?» – «Да!» – ответил тот.

– Группа находится в данном районе, радиусом примерно в пятнадцать – двадцать километров. Точнее мне не дано. Но можно догадаться – они разместятся недалеко от действующего сельского поселения – деревни, села, – где есть сельмаг, чтобы закупать недостающие продукты питания и хозяйственные товары, и у которого имеется какая-то связь с ближайшим райцентром, на всякий случай. Пришлось обследовать уже несколько местностей, однако пока безрезультатно, никаких бесспорных признаков жизни тайной группы не нашёл. Вот иду к следующей деревне, – рассказал Владимир.

Виктор расслабился, глубокая усталость навалилась на него, хотелось лежать и спать, ведь он никогда так много не ходил. Только он понимал – надо, несмотря ни на что, подниматься и идти, дабы слушать и слушать этого человека, ибо тот словами, созвучными мыслям Виктора, и как он говорил, вызывал и сознательное, и безотчётное, но сильное доверие, в том числе и своим видом. А затем услышанное обдумать – может, то искомое им, и Владимир – непосредственная, конкретная реализация его недавних сокровенных чаяний об Учителе. Виктор стряхнул с себя усталость, поднялся, и они пошли.

И он не пожалел. Негромкая, уверенная и содержательная речь Владимира ничуть не была похожей на возбуждённый говор телевизионных внушателей, говоривших быстро, даже торопливо, и не делающих интервалов между словами и фразами. Он говорил: вечно живущую Истину нужно искать, и искать её не только в духовных и художественных книгах, в лучших старых фильмах и в давнишних близких друзьях, но и в окружающей, живой во всех видах, благодатной природе и, главное, в себе самом. Одна Истина может спасти человека и человечество. Нынешняя, так называемая общечеловеческая, современная культура – по большей части не истинная культура, не культ Света, а порой абсолютная, диаметрально и враждебная противоположность. Потому всё должно переплавить, заново отлить в новое активное духовное содержание и влить в новую, соответствующую ему форму. Многие люди, говорил Владимир, верят, будто сегодняшний мир уже не изменить. А ведь он ещё недавно не был таким, и не будет в грядущем, великом и дивном – кромешная, непроглядная, казалось бы, тьма не вечна, Лучезарный неземной Свет неминуемо её рассеет. Но Свету должно быть постоянным, нельзя позволить его загасить. А для сего надо в своём сером, будничном сегодня жить так неустанно, точно через десять секунд умрёшь. Постоянно жить на полной и полезной отдаче, ибо задача светлого человека – одухотворять косную, пассивную земную материю, преображать суетный, подлунный, называемый цивилизованным мир, и прежде всего вокруг себя любимого.

Виктор, внимательно слушая Владимира, думал: здорово было бы, если бы этот человек каждый день, как сегодня, в течение его жизни беседовал с ним, позволяя впитывать значимое и нужное слово за словом, каплю за каплей, искру за искрой Знание. Чтобы настал, наконец, знаменательный день, когда сознание Виктора станет другим и он, соответственно, попрощавшись с собой прежним, станет другим человеком.

Они прошли по пыльной и ухабистой просёлочной дороге, сворачивающей за невысокий пологий холм и спускавшейся в неглубокий заросший овраг, и, увидев на противоположном склоне небольшую деревню, направились к ней. Виктор, ни о чём не спрашивая, молча шёл за тем, кого он признал старшим. Стояла ясная погода, на раскалённом небе не виднелось ни единого облачка, и солнце уже довольно сильно припекало. Вспомнилось о лесной прохладе.

Разыскав сельмаг, Владимир решительно зашагал к нему, видно было, он не первый раз действовал по известной ему, отработанной им схеме. Осведомившись у продавщицы, давно ли завозили товар, и, услышав, что неделю тому назад, он вздохнул и, выйдя из магазина, сказал:

– Если интересующие нас люди живут близ этого населённого пункта, то они стараются придти, вернее, посылать одного-двоих из своих при завозе товара. И выбор побогаче, и затеряться легче от постороннего, не дай бог, городского пристального и испытующего взгляда. – Но когда в сельмаг зашёл, похоже, с несельским лицом мужчина, Владимир добавил: – Кажется, нам повезло. – И дал Виктору неприметный знак зайти за ним следом.

Мужчина купил с десяток коробков спичек, несколько пачек соли, какой-то крупы и бутылок пять растительного нерафинированного масла. Они вышли вслед за ним на улицу и, подойдя, назвали. Мужчина ничего не ответил и насторожился. Дабы не привлечь лишнего любопытно-настойчивого внимания проходящих мимо сельчан, Владимир предложил отойти всем троим на задний двор. Мужчина неохотно, однако, видимо, не желая по той или иной причине конфликтовать, согласился.

– Мы знаем, вы не сельчанин и живёте в лесу. Мы и сами ушли из обезумевших мест и ищем подобных себе.

Мужчина промолчал и принял смущённый вид, будто не понимает, о чём говорят.

– Вы, наверное, думаете: почему я должен верить? Возможно, они присланы специально разыскивать таких, как мы, чтобы сдать власти. Верно?

Но тот в ответ неопределённо промычал что-то.

– Поверьте, им сейчас не до небольших замкнутых групп беглецов. Им и в ставших бездушными городах хватает непрестанной, ненавистной нам работы... Вы можете нас обыскать, только, уверяю, не найдёте ничего, даже отдалённо похожего на пропуска. Да и опознавательных знаков на лбу нет соответствующих. Вот смотрите! – Владимир снял шапочку, откинул волосы и, на случай макияжа, сильно потёр лоб. То же сделал и Виктор.

– А каким образом вы нас нашли? – впервые подал голос мужчина.

Владимир рассказал ему о глубокой медитации, о том, что он получил необходимую информацию через неё, район расположения указан крупный, а где конкретно находится группа на указанной территории, он не знал и стал искать. Так во время целенаправленного поиска он встретил Виктора, бежавшего из своего города. До этой, конечно, не случайной, встречи он обошёл несколько окрестных деревень и сёл, понимая, – группа по вполне понятным, естественным причинам должна базироваться около населённого пункта с сельмагом. Однако никого не нашёл... В конце Владимир предложил посадить их с Виктором «на карантин» и лишь давать еду, а самим тщательно проверить содержимое их рюкзаков, телефоны, опять же, с их содержимым, и всё нужное ещё. Мужчина недвусмысленным, нетерпеливым жестом остановил его и, сказав, мол, он один не имеет возможности принять решения, попросил подождать за ближней околицей и, предварительно проводив их до скрытного места, ушёл.

На разогретой земле не осталось уже и остаточных следов от утреннего дождя. Владимир и Виктор уселись в тени гостеприимного раскидистого дерева, развели костерок и перекусили, как говорится, чем Бог послал. Но долго отдыхать не пришлось, появился их знакомый в сопровождении другого человека. Подойдя, тот представился, назвавшись Николаем, и спросил:

– А почему мы должны вам верить?

– Вы можете не верить, это ваше бесспорное право. А я принёс вам Истину, – ответил Владимир.

– В чём же она заключается?

– Мне хотелось бы вначале послушать вас. И прежде скажите: вы пришли сюда сложившейся, готовой группой или она формировалась постепенно, по мере прихода новых людей?

– Сюда мы пришли уже сплочённой группой. Там, откуда мы пришли, она формировалась, вы правы, постепенно, по большей части из незнакомых друг с другом, незнакомых и нам, кто разными, прямыми и окольными, путями искали непосредственного личного контакта.

– Тогда почему вы не доверяете нам, также вновь пришедшим?

– Вы, я имею в виду лично вас, а не вашего спутника, – сказал Николай, пристально посмотрев на Виктора, – непростой человек и, скорее всего, можете быть нам или настоящим другом, или коварным врагом.

– Вот как! Впрочем, логично в наш век всеобщего тотального страха... И если следовать этой же убийственной логике, главной задачей существующей системы является целенаправленное и беспощадное уничтожение любого инакомыслия, не вдаваясь в мировоззрение. По извечному принципу: против – значит заклятый враг. И коль я агент системы, мне ничего не стоило позвонить им, и, пока человек ходил за вами, здесь уже находился бы летучий спецотряд на гравилётах, и для него, проследив, захватить группу на малом и доступном пространстве было бы делом техники. Для чего предполагаемому агенту вовсе не нужно находиться лично в вашем скрытном месте.

– Понятно, Владимир. Ну что ж, пойдёмте, – произнёс Николай, не поднимая глаз.

Они прошли по дороге за деревню и вошли в близрастущий стройный лиственный лес. Виктор автоматически мельком взглянул на компас – сейчас они двигались практически на север по отношению к направлению пройденного им пути. Через некоторое время они оказались на небольшой уютной поляне, на которой ничего, кроме крупного кряжистого пня, не наблюдалось. Николай подошёл к нему, на что-то нажал ногой, и раздался далёкий приглушённый звон колокольчика. Пень откинулся, и взору открылся прямоугольный люк. Николай первый ступил на ступени отвесной деревянной лестницы и пригласил гостей сделать то же самое. Они спустились, прошли по полутёмному узкому и короткому коридору и вступили в подземный зал, где стояло несколько аккуратных деревянных столиков со скамьями вокруг большого деревянного стола в центре. Вдоль дощатых стен горели лучины в специально подвешенных корытцах, как оказалось, наполненных водой, дающие неяркий и неровный свет. А в ближнем углу располагалась малогабаритная кирпичная русская печь. Несколько проёмов в стенах вели, вероятно, в спальные комнаты.

Отвечая на любопытные деловые вопросы гостей, Николай рассказал о вырытом достаточно глубоком колодце, в том числе чтобы определить фактический уровень грунтовых вод. Потом выбрали подходящее место повозвышенной, вырыли котлован, из толстых брёвен сделали прочный остов, а из тонких – потолочное перекрытие, укрепив его вертикально поставленными опорными стволами-колоннами. Строение чуть-чуть возвышалось над уровнем земли и было покрыто плотной полиэтиленовой плёнкой, на которую положили нужный слой грунта и дёрн, снятый вдали. Всё сделано таким образом, что Владимир с Виктором, зайдя на поляну, ничего не заметили – поляна и поляна. Почти на уровне земли они сделали несколько узких окошек, обтянутых тонкой сеткой (а зимой прикрывающихся ещё и прозрачным полиэтиленом). Естественной вентиляцией служила щель вокруг крыши и выход печной трубы (печь топится только по ночам). «Окошки», щель и выход трубы замаскированы мелким хворостом. Стены изнутри и пол они обили кусками досок, горбылями и фанерой.

– Отлично придумано! – похвалил Владимир.

– Летом, когда нет дождя, мы занимаемся беседами и прочими делами наверху, при выставленном, конечно, наблюдении, собственно, всегда ведущимся, и ночью тоже. Зимой и в непогоду находимся здесь, в подземном помещении. В случае внешней, даже потенциальной, опасности печь и лучины сразу же гасятся.

– А какие бы то ни было новости, слушая которые можно, как говорится, и между строк читать?

– Есть портативный приёмник, хорошо ловящий наверху – на дереве, – а потом очередной дежурный, слушавший его, конечно, через наушники, рассказывает нам новости, так сказать, проводит политинформацию.

Виктор слушал молча, происходящее ему представлялось дивным сном – недавно шёл по лесу наедине со своими мыслями, а тут и Владимира встретил, не успел с ним один на один пообщаться, и «нарисовался» целый коллектив, немногочисленный, но сплочённый, таких же беглецов. Ну чем не сон?! И, являясь по основной специальности строителем, он восхитился строением – сделано грамотно и основательно, надёжно. Однако возник вопрос: только ли для спасения они организовали совместное поселение? И Владимир, будто прочитав его мысли, спросил о том вслух.

В ответ Николай пригласил гостей на обеденную трапезу, после чего можно будет и поговорить. Обитатели скромного и уютного подземного жилища – кто-то за столиками читал, кто-то занимался починкой одежды, кто-то отдыхал в боковых комнатах, – по сигналу бодрого колокольчика, висевшего у входа, собрались и стали помогать дежурному накрывать на стол. На расстеленной клеёнчатой скатерти появились лесные орехи, жареные и солёные грибы, сырые и тушёные овощи, лесные ягоды, фрукты и сухофрукты, салаты, большая супница с горячим супом, большой чугунок с кашей и прочие «деликатесы» лесной вегетарианской кухни. После принятой у них, как оказывается, психологической настройки на еду, началась, собственно, трапеза, проходившая в полном, но не тягостном, а благоговейном молчании, прерываемая лишь короткими просьбами что-то передать из еды. После окончания её и уборки со стола состоялась неспешная беседа.

Члены сплочённой группы были верными поклонниками родной великой страны, с которой у многих нынешних людей связывались и личные воспоминания, и образные представления по воспоминаниям родителей и дедушек с бабушками, а также по старым советским книгам и фильмам. И поскольку ничего хорошего – неприглядная сегодняшняя действительность подтвердила – ждать не приходилось, они, организовавшись, пришли сюда. И Владимир подтвердил: по его информации – он ещё раз, уже для всех, поведал, что у него за информационный канал, – таких одиночек и групп по стране достаточно много, то есть они далеко не одни.

Беседуя, каждый с сердечным теплом рассказывал своё о жизни в *Той* стране. Один заканчивал, следующий подхватывал нить душевной беседы, длящейся и длящейся. Виктор ощутил – помещение будто наполнилось солнечным светом. Казалось, ностальгии не закончиться. Но вот Николай поднял руку, и наступила почтительная тишина.

– Не станем, друзья, утомлять наших гостей. Скажем только, ради чего мы всё помним и повторяем друг другу. Во-первых, для сохранения подробной правдивой информации, во-вторых, для поддержания неповторимой дружеской атмосферы коллективной памяти и, самое главное, в-третьих, для передачи её детям и внукам теперешнего и будущего народа, чтобы когда-нибудь потом, может быть, в далёком грядущем воссоздать ту славную страну, которую мы потеряли.

– Как же вы хотите её воссоздать? Разве дадут вам сделать те, кто людей фактически превратили в безвольных, послушных приказу извне биороботов без самостоятельного сознания и чуткого сердца? – воскликнул Виктор.

– Мы думаем, в грядущем сложатся непредвиденные обстоятельства чудовищной, непреодолимой силы, заставляющей правящую верхушку изменить, казалось бы, безвыходную ситуацию – изменить многострадальную страну и своё отношение к терпеливому народу. Что за обстоятельства, мы пока не знаем, однако верим, это произойдёт. Не может возмутительное безобразие расчеловечивания длиться вечно. Есть же Бог на свете!

– Мы все знаем хорошую, мудрую русскую поговорку: «На Бога надейся, а сам не плошай», – ответил Владимир. – У нашего народа уже имеется уникальный опыт: мы построили отеческий дом, но он не устоял. Да, да, я говорю о благословенной стране, о которой вы печалуетесь и которую любите. И правильно делаете – лучше её в многовековой истории и нашей, и мировой не было. Словно у хорошего, крепкого деревянного дома древесные жучки источили все его стены, и кажущийся долговечным дом, не выдержав однажды под напором сильного, штормового ветра, рухнул. Оттого нам, друзья, нужно построить такой дом, чтобы он не рухнул, даже под напором самого мощного урагана!

– Как?

– Полного возврата в прошлое, о каком вы ностальгируете, один к одному быть не может, это противоречит непреложным и справедливым законам естественной планетарной эволюции. Да, будущее за подлинным, новым социализмом, только он явится другим – духовным. Временные «хозяева жизни», из-за кого мы с вами оказались здесь, в лесу, рано или поздно пожрут друг друга, ибо их истинная природа демоническая, и неминуемый бесславный конец их ясен. Все их каждодневные дела в настоящем и прошлом не оставляют никаких, и смутных, сомнений насчёт сего. Поэтому насущный для нас и немаловажный вопрос лишь в сроках. Вот тогда-то мы и пригодимся. Но какие мы? Мы не должны быть исключительно сожалееющими о якобы безвозвратно утерянном, а, прежде всего, знающими, как жить, как строить справедливое общество и по-настоящему высокоразвитую, цивилизованную, передовую страну. И путь, дорогие мои, нелёгок и только один – в гармоничном единении с Природой, в единении со всей Вселенной, в познании её Законов и в жизни по ним. Вот тогда шаг за шагом, ступень за ступенью, по необходимой мере постепенной эволюции, когда люди будут качественно возрастать в истинном Знании и духовном совершенствовании, и строить самостоятельный Новый Дом, неподверженный ни тотальному, ни частичному разрушению. И начинать, пусть и медленный, однако созидательный процесс нужно уже сейчас, с малого, с себя, и далее нести это другим, тем, кто созрел сознанием для целостного и гармоничного восприятия. Да, путь неблизкий, тернистый и многострадальный, и мы с вами, возможно, и, скорее всего, не доживём до светлого грядущего нашей родной земли, но другого, лёгкого варианта нет – путь к величественной и, казалось бы, недосягаемой вершине крутой горы начинается с её подножия. А если непредвиденные обстоятельства движущей, могучей и непреодолимой силы наступят гораздо раньше, то тогда нам придётся делать параллельно. Ну, надо будет, станем действовать и так! На всё святая воля всемогущего Бога.

Виктор внимательно, вместе со всеми, слушал говорившего, и в его чуткой душе рождалось новое глубокое чувство – всё, происходившее с ним до сих пор и нынешний смелый поход из дома сюда, было только необходимой подготовкой к настоящему моменту. Он вспомнил где-то прочитанное: «Неважно, что именно ты делаешь, важно, чтобы всё, к чему ты прикасаешься, становилось лучше, будь то предметы или люди...»¹. Виктор одно время увлекался религией, причём он посещал различные конфессии, пока не понял: конечная цель любой церкви как деятельной системной, структурной организации – безусловное и строгое подчинение человека этой организации или сильному человеку, олицетворяющему её, и воспитание у человека устойчивой привычки, даже ненасытной потребности, постоянно просить у Бога особенной милости к себе и чего-то для себя. Прощение, прошение – слёзные прошения, дай да подай по смыслу. Будто у Бога нет других не-

¹ «Не важно, что именно ты делаешь, важно, чтобы всё, к чему ты прикасаешься, меняло форму, становилось не таким, как раньше, чтобы в нём оставалась частица тебя самого. В этом разница между человеком, просто стригущим траву на лужайке, и настоящим садовником. Первый пройдёт, и его как не бывало, но садовник будет жить не одно поколение» (Рэй Брэдбери. 451 градус по Фаренгейту).

отложных, насущных дел, кроме удовлетворения бесконечных личных просьб миллиардов людей. Но теперь, слушая Владимира, он понял – сила в самом человеке, и в нём, Викторе, тоже есть Бог. Ведь недаром сказано в Священном Писании и было напомнено Христом: «Вы – боги!»¹ Только Бога в себе надо открыть и уметь услышать. И в полном, ничем непоколебимом спокойствии своего ума, в гармоничном равновесии души ежедневно не покладая рук трудиться, при том непрерывно учась на приобретённом прошлом опыте, на опыте теперешней жизни, на опыте других личностей и, главное, учась даваемому свыше Сокровенному Знанию, чтобы, совершенствуясь самому, нести Высшую Мораль и Священную Истину.

– Настоящим управляет грядущее, – продолжал Владимир. – И наша благословенная и многострадальная страна, и вся любимая планета, Мать-Земля наша, подобно легендарной птице Феникс, непременно возродится. А сейчас мы будем учиться сами и, встречая таких же, одиноких – других беглецов от того мира, – передавать им наши обширные знания и полезные умения. Это станет происходить необязательно лишь в данном потаённом поселении, а во многих ему подобных, где будут желающие слушать и совершенствоваться. Впрочем, тогда мы сможем помочь другим, когда знания глубоко проникнут в нас самих, станут, как говорится, нашей живой плотью и кровью.

– Кстати, а почему среди вас одни мужчины? – спросил Владимир после недолгой паузы.

– Нужно было разведать, и не только место, подходящее во всех смыслах, найти, но и обустроить. А женщины, по большей части, связаны семьями или озабочены, прежде всего, её созданием. Поэтому, будто на войне, понадобились мужчины-воины. Однако мы уже думали над тем, чтобы в будущем, набравшись достаточного практического опыта, став, таким образом, хорошими инструкторами, разойтись и начать организовывать похожие общезития, и для семейных в том числе, и для создания семей из единомышленников, – поведал Николай.

– Вы очень правильно мыслите, – поддержал Владимир. – Именно через создание таких много-семейных очагов и воспитание детей в правильном духе и возможно грядущее! – добавил он.

Виктор вспомнил о Тайной Вечере Христа. Он, широко открыв глаза, жадно слушал Учителя. И другие люди, кто был здесь, ещё находясь на зыбкой грани гипнотического сна своей прошлой жизни и недавнего внезапного пробуждения от него, слушали слова Владимира.

Николай встал и, обращаясь к Учителю, сказал:

– Мы не смирились с этим миром, навязанным нам, а решили бороться. Мы ушли от него и стали искать. И мы нашли Учителя в вашем лице, и теперь мы никогда не сдадимся кромешной, удушающей тьме, непроницаемому леденящему мраку. Избранный нами ныне эволюционный путь только один – к Свету, и ежедневный неустанный и великий наш труд только один – труд на его постоянное созидание. И закономерным результатом станет создание Новой Страны, которой не будут страшны никакие сильные и свирепые ураганы и смерчи! Правильно я говорю? – обратился он уже к своим товарищам.

И в ответ последовало многоголосое «Да!», там было и твёрдое слово Виктора.

Сентябрь 2021 г. – 2022 г.

¹ «Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы» (Библия. Пс. 81: 6–8).